
ИЗ РАБОЧЕЙ ТЕТРАДИ
ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

ДИНАМИКА РЕЛИГИОЗНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ
ПО ДАННЫМ ИССЛЕДОВАНИЙ В СТОЛИЧНОМ РЕГИОНЕ

© 2019 г. Е.А. Кублицкая*, М.М. Назаров**

Институт социально-политических исследований РАН, Москва, Россия

**E-mail: eakubl@yandex.ru; **E-mail: vy175867@yandex.ru*

Поступила в редакцию 04.03.2019 г.

Поступила после доработки 09.04.2019 г.

Принята к публикации 04.05.2019 г.

В статье рассмотрены состояние и динамика религиозности в современной России. На базе разработанной системы показателей и эмпирических индикаторов зафиксированы особенности религиозного сознания и поведения. В ходе сравнительных репрезентативных исследований, реализованных по единой методике в столичном регионе в течение трёх последних десятилетий, зафиксировано, что на уровне самоидентификации определяют себя как верующих около половины населения, причём наблюдалось уменьшение этой величины во времени. Как показывает использование комплексной типологии религиозности, доля собственно воцерковлённых верующих, следующих канонам на уровне как сознания, так и поведения, оказывается существенно меньшей: за последние пять лет она находилась в пределах 6–8%. Мотивы участия в религиозных обрядах имеют преимущественно общекультурную направленность, связанную с семейными, родственными и национальными традициями.

Ключевые слова: религиозность, религиозная самоидентификация, религиозное сознание, религиозное поведение, православие, ислам, секуляризация.

DOI: <https://doi.org/10.31857/S0869-58738911120-1127>

Актуальность исследования современного состояния и динамики религиозности населения определяется тем, что религиозная тема занимает видное место как в российской, так и в мировой повестке дня, а также оказывается взаимозависимой с широким спектром проблем политико-культурного и социально-экономиче-

ского характера. В статье представлены результаты разработки следующих исследовательских вопросов: каким является отношение к религии во времени — на уровне религиозной самоидентификации индивидов? в чём состоят основные черты религиозного поведения населения? каковы основные мотивы обращения к религии?

КУБЛИЦКАЯ Елена Александровна — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник, руководитель Центра социологии религии и социокультурных процессов ИСПИ РАН. НАЗАРОВ Михаил Михайлович — доктор политических наук, главный научный сотрудник ИСПИ РАН.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ КОНТЕКСТ
И ЭМПИРИЧЕСКАЯ БАЗА

В последние несколько десятилетий в фокусе внимания российских специалистов-религиоведов и социологов религии находились различные вопросы. Выделим те из них, которые оказываются значимыми в связи с задачами нашего исследования.

Прежде всего укажем на дискуссии вокруг понятия "религиозность", которое получает зачастую весьма различные интерпретации. Одними учёными религиозность понимается как воздействие религии на сознание и поведение отдельных индивидов или социальных и демографических групп [1, с. 104], другими — как состояние отдельных людей, групп и общностей, верующих

в сверхъестественное и поклоняющихся ему, как их приверженность к религии, принятие её вероучений и предписаний [2, с. 194]. Считается, что о религиозности можно судить не только на основе субъективного показателя личной самоидентификации и других показателей религиозного сознания, но и по уровню религиозной активности респондентов [3]. В российских исследованиях широко распространено понимание религиозности как социального качества индивида и группы, выражающееся в совокупности религиозных свойств сознания, поведения, отношений [4, с. 123]. Поэтому в прикладных отечественных исследованиях при определении уровня и степени религиозности населения и социальных групп используются показатели и религиозного сознания, и религиозного поведения [5].

Ещё одна интересующая исследователей тема — религиозность тех или иных социальных групп, например, молодёжи, военнослужащих и др. [6, 7]. Отдельно рассматривалась проблематика воспроизводства религиозности в светском обществе в контексте взаимодействия двух различных типов культур — светской, непосредственно формирующей современное российское общественное сознание, и конфессиональной, в значительной мере искусственно прививаемой этому сознанию в условиях усиления культурного и политического влияния религии и укрепления общественных позиций церкви [8].

В зарубежном дискурсе религиозность в широком смысле слова обычно связывают с наличием сильных религиозных чувств или убеждений, а также с возрождением религиозности среди различных социальных групп. Введение в научный оборот этого понятия относят к работе Г. Ленски "Религиозный фактор", опубликованной в 1961 г. [9]. Автор анализирует политико-экономические ориентации представителей разных конфессий. При этом различия в представлениях рассматриваются в рамках типологии религиозности. Выделяются следующие её составляющие: характеристики религиозного сознания — вера; характеристики религиозного поведения — посещение культовых учреждений и включённость в религиозные молитвенные действия; степень общности — сплочённость между членами религиозной группы.

Изучение религиозности проводилось применительно к разным темам и в различных исследовательских контекстах. Так, было установлено, что образование не всегда снижает религиозность [10], а связь между секуляризацией (отходом от религиозности) и социальным благополучием не является простой или однозначной [11]. Согласно международным сравнительным исследованиям, религиозность оказывает положи-

тельное влияние на ориентации молодых людей в построении семьи, что в свою очередь связано с более высокой удовлетворённостью жизнью. Эта зависимость сильнее в культурах с общей высокой религиозностью [12].

Исследовательские рамки настоящей работы отражают методологические принципы изучения религиозности, сформулированные одним из авторов ранее [5, 13]. Во-первых, важным основанием дифференциации религиозного и нерелигиозного населения выступает наличие или отсутствие веры в существование сверхъестественных сил. Во-вторых, для измерения степени религиозности необходимо сочетать показатели, характеризующие как религиозное сознание, так и культовое поведение человека. В-третьих, для получения достоверной информации об уровне и степени религиозности необходимо применять сбалансированную систему показателей, отражающих и религиозную, и атеистическую убеждённость. В методологическом плане мы также опираемся на упомянутые выше традиции эмпирического изучения религиозности на основании проявления данного феномена на уровне сознания и поведения индивидов.

Для ответа на поставленные исследовательские вопросы, касающиеся характера и особенностей религиозности в современной России, была разработана и прошла апробацию система соответствующих показателей (табл. 1). При её построении наша задача состояла в представлении центрального понятия посредством набора других, опосредующих, понятий — показателей с менее абстрактным уровнем обобщения. Фактически термин "показатель" используется здесь в двух смыслах: с одной стороны, это совокупность понятий, описывающих конкретные области проявления религиозности,

Таблица 1. Система показателей религиозности населения

Показатель сознания	Показатель поведения
Религиозная самоидентификация	Посещение храма (церкви, мечети, молитвенного дома)
Вера в Бога	Участие в религиозных праздниках
Конфессиональная самоидентификация	Участие в религиозных обрядах
Изменение отношения к религии	Совершение молитв (церковные молитвы, намаз, личные молитвы)
Мотивы религиозного участия	Исповедание, причастие
	Соблюдение религиозных постов

с другой — измерительный инструмент непосредственно фиксируемой, доступной наблюдению и измерению характеристики изучаемого объекта [14, с. 148]. Для анализа религиозного сознания использовались показатели: религиозной самоидентификации, веры в Бога, конфессиональной самоидентификации, динамики и мотивов включённости в культовые отношения. На уровне поведения были вычленены такие проявления религиозности, как посещение храма, участие в религиозных праздниках и обрядах, совершение молитв, участие в исповеди и постах. Каждому из этих показателей соответствовали эмпирические определения. Религиозная самоидентификация фиксировалась через вопрос о самооценке — причислении себя к группам с различным уровнем погружения в религию (от верующих до атеистов). Показатель веры в Бога — через индикатор с номинально упорядоченными шкальными признаками убеждённости в существовании сверхъестественных сил. Принадлежность к определённой конфессии определялась с помощью индикатора с номинальной шкалой, которая отражала ту или иную конфессию, существующую сегодня в нашей стране. Динамика отношения к религии выявлялась через эмпирический индикатор самооценки изменения позиции респондента в течение жизни в оппозиционной паре терминов "верующий—неверующий". Мотивы религиозного участия в культовой деятельности фиксировались с помощью номинальной шкалы с признаками, характеризующими различные причины и факторы от религиозного императива до эстетического переживания. Эмпирические индикаторы, включённые в опросник для замера проявлений религиозности на уровне поведения, содержали широкий перечень видов культовой религиозной активности: посещение храма, совершение различных обрядовых действий (причастие, исповедь, молитва, пост) и т. д. При этом шкальные

признаки были единообразными и отражали степень регулярности совершения подобных действий ("часто", "иногда", "никогда").

Таким образом, методика исследования предполагала последовательное сведение понятия "религиозность" к операционально определяемым показателям, что позволило с помощью их эмпирического наполнения выявить сущностные черты и характеристики исследуемого явления. Получаемые на этой основе эмпирические данные представляют собой фундамент для формирования выводов о происходящих в реальности процессах, более полного понимания феномена религиозности населения.

Эмпирическая база проекта представляет собой результаты сравнительных исследований, проведённых в столичном регионе на базе репрезентативной квотной выборки со связанными параметрами. Сбор первичной информации осуществлялся с использованием самозаполняемых опросников. Важно, что система показателей и эмпирических индикаторов религиозности была неизменной. Это дало возможность зафиксировать характеристики религиозности в сравнительной перспективе. Число опрошенных по годам было следующим: N = 502 (1996 г.), N = 506 (1998 г.), N = 650 (2008 г.), N = 650 (2010 г.), N = 747 (2014 г.), N = 741 (2015 г.), N = 705 (2016 г.), N = 730 (2017 г.), N = 726 (2018 г.).

ДИНАМИКА РЕЛИГИОЗНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ

Остановимся сначала на наиболее общем вопросе о религиозной самоидентификации индивидов. Респондентам предлагалось соотнести себя с различными категориями религиозного или нерелигиозного населения. По итогам замера в середине 2018 г. среди жителей столицы отнесли себя к "верующим" 51%, "колеблющимся между верой и неверием" — 23%, "неверующим" — 12%, "атеистам" — 9%,

Таблица 2. Динамика самооценки религиозности и атеистичности, % числа опрошенных, г. Москва, 1996–2018 гг.

Вариант ответа на вопрос о религиозной самоидентификации	1996	1998	2008	2010	2014	2015	2016	2017	2018
Верующие	50	54	62	56	64	63	60	54	51
Колеблющиеся между верой и неверием	20	24	20	20	17	17	19	23	23
Неверующие	28	21	4	6	7	8	10	10	12
Атеисты	—	—	6	4	6	9	8	11	9
Неверующие + атеисты	28	21	10	10	13	17	18	21	21
Затруднились ответить	2	1	8	1	6	3	3	2	5

затруднились ответить — 5% (табл. 2). Полученные данные говорят об интересе к религии и подъёме религиозных чувств как о характерной черте постсоветского социума. При этом возрастание религиозных настроений — прежде всего проявление процесса *активизации этнической идентичности* [15]. Периодическое религиозное возрождение, предполагающее восстановление привер-

женности индивида к группе, считается социологической особенностью различных религиозных традиций. Также отмечается, что активизация интереса к религии присуща России как многоконфессиональной стране. Отдельно выделялся факт принадлежности большей части населения к христианскому культурно-цивилизационному ареалу. Православие сыграло большую роль в становлении российской государственности, культуры и специфически российского, во многом альтернативного западному образа жизни [16].

Как представляется, рост религиозности в постперестроечное время обусловлен комплексом обстоятельств. Наряду с упомянутым выше фактором актуализации этничности и связанной с этим религиозности, можно выделить и ряд других моментов. Именно в этот период общество переживало кардинальные изменения социального плана: смену социально-экономического уклада, сопряжённые с ней идеологические трансформации, резкий рост социального расслоения и неравенства, рост безработицы и т. п. Они усиливали чувство незащищённости перед будущим и привели к неверию в государство как гаранта национальной безопасности. Естественно, что взоры многих людей обратились к религии, претендовавшей на заполнение возникшего в обществе духовно-идеологического вакуума. В немалой степени этому способствовала информационная открытость первых лет перестройки. Параллельно происходила активизация религиозной жизни в стране. Изменился социальный статус многих церквей и религиозных организаций. Традиционные конфессии стали активно участвовать в социокультурном, социально-политическом развитии российского общества. Укрепилось взаимодействие государства и Российской православной церкви (РПЦ) — самой мощной в России христианской конфессии, представляющей православие.

Отдельно следует сказать об активной миссионерской деятельности, в первую очередь различных сект протестантизма на территории Сибири, Бурятии, Коми, Якутии, Приморского и Хабаровского краёв, Амурской и Иркутской областей, Сахалина, Ямало-Ненецкого округа, Карелии и Калининградской области. Также нельзя не упомянуть о влиянии миграционных процессов на постсоветском пространстве на "перераспределение" религиозного населения между конфессиями и религиозными движениями. Переход из одной конфессии в другую становился обычным явлением. Возросший интерес к религии объяснялся и тем, что вера выступила в роли духовной оппозиции марксистской идеологии. Поэтому некоторые респонденты, заявлявшие о своей религиозности, в действительности

оставались неверующими. Они лишь пытались подчеркнуть свой отказ от прежних ценностей, основанных на материалистических принципах.

Начиная примерно с середины 1990-х годов различными социологическими школами, в частности Институтом социально-политических исследований РАН, фиксируются новые тенденции. "Религиозное возрождение" переживает период относительной стабилизации. Причём показатель уровня религиозности, по данным сравнительных замеров в столице, за последние пять лет снизился более чем на 10%: в 2014 г. отнесли себя к верующим 64% опрошенных, в 2018 г. — 51%. Материалы социологических опросов, проводимых ИСПИ РАН на протяжении двух десятилетий, указывают, что идентификация религиозной и идентификация конфессиональной приверженности не совпадают. Уровень религиозной самоидентификации (мировоззренческий аспект) определяется на порядок ниже конфессиональной самоидентификации независимо от эмпирического объекта (населения в целом или социальных групп). Конфессиональная идентификация респондента включает как минимум 4 маркера: чисто религиозный, затем по убыванию значимости — национальный, культурологический и территориальный. Поэтому среди москвичей значительно больше верующих по показателю конфессиональной самоидентификации (84% — православных, 10% — мусульман, 1% — буддистов и др.).

Данные о социально-демографических особенностях групп индивидов с различной религиозной идентификацией приведены в таблице 3. На уровне самоидентификации к верующим женщины относят себя чаще, чем мужчины. Несколько больше, чем по массиву в целом, верующих в возрастных группах 25—39 лет и 50 лет и старше, а также в средне- и низкодходных группах населения. Колеблющиеся респонденты чаще присутствуют в возрастной группе 40—49 лет, а также среди лиц с начальным и средним общим образованием. Неверующих больше среди мужчин, в молодой возрастной группе 14—24 года, среди лиц с неоконченным высшим образованием и в высокодоходной группе населения. Обращает на себя внимание тот факт, что социально-демографические особенности группы "неверующие" и группы "атеисты" оказываются сходными.

КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ ПОКАЗАТЕЛЕЙ РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ И РЕЛИГИОЗНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Самоидентификация — лишь первичный и самый общий в используемом нами ряду показатель религиозности. Для более точного определения различных типологических групп в структуре ре-

Таблица 3. Религиозная самоидентификация в различных социально-демографических группах, г. Москва, 2018 г.

Социально-демографическая группа		Ответ на вопрос "Считаете ли вы себя?"*							
		верующим		колеблющимся между верой и неверием		неверующим		атеистом	
		%	индекс**	%	индекс	%	индекс	%	индекс
Пол	мужской	44	82	27	111	16	131	13	136
	женский	62	115	22	91	9	75	6	70
Возраст	14–24	42	77	29	119	17	139	12	132
	25–39	59	109	20	83	12	96	9	100
	40–49	47	88	36	147	9	74	8	85
	50+	62	115	18	75	12	92	8	88
Образование	начальное / среднее общее	50	93	33	137	12	92	5	56
	среднее специальное	61	112	24	99	10	76	6	64
	неоконченное высшее	45	83	22	92	20	162	12	135
	высшее / учёная степень	52	96	22	90	11	91	10	108
Доход***	низкий	60	110	16	64	13	105	12	130
	средний	56	103	25	102	12	92	8	90
	средневысокий	51	95	29	119	12	92	8	92
	высокий	52	96	18	73	18	142	13	141

* Группа затруднившихся с ответом о религиозности для наглядности не учитывается.

** Индекс отражает соотношение между спектрами религиозности в отдельных социально-демографических группах, с одной стороны, и в массиве в целом — с другой. Например, если в социально-демографической группе доля верующих больше, чем в среднем по выборке, индекс больше 100, если доля меньше, индекс менее 100.

*** Индикаторы дохода: низкий — "денег хватает только на еду / не хватает даже на еду"; средний — "денег хватает только на продукты и одежду"; средневысокий — "доступно большинство товаров длительного пользования, кроме автомашины"; высокий — "денег достаточно, чтобы ни в чём себе не отказывать".

лигиозного населения мы применяли комплексную систему группировки различных вариантов ответа на вопросы, характеризующие религиозное сознание и поведение. В связи с этим были выделены две группы верующих — в зависимости от того, какую роль религия занимает в их образе жизни в целом.

Первая группа была определена как "воцерковлённые верующие". На уровне самоидентификации такие респонденты относят себя к верующим, а в плане динамики религиозного сознания они являются верующими уже продолжительное время либо ранее были неверующими, а затем стали верующими. При этом они заявляют о своей вере в Бога, создавшего мир и управляющего им, или на-

ряду с верой в Бога верят в существование другой сверхъестественной силы. Респонденты данной группы принадлежат к одной из традиционных конфессий — православию, исламу, иудаизму, католицизму и др. Они регулярно участвуют в религиозных праздниках и обрядах, посещают храмы, совершают молитвы, исповедуются, причащаются, соблюдают религиозные посты. Среди причин участия в религиозных праздниках и обрядах ими обязательно выделяются необходимость выполнения предписаний священных книг, поддержание регулярных контактов с сообществом единомышленников. Например, религиозные мотивы участия указали четверть респондентов: "Считаю необходимым выполнять религиозные предписания (Библия, Коран)". Таким образом, отличительное свойство респондентов первой группы — согласие с целым рядом оценочных суждений, свидетельствующих об их погружённости в религию как на уровне сознания, так и на уровне поведения.

Вторую группу мы идентифицировали как "малоцерковлённых верующих". Её представители также считают себя верую-

щими, однако другие характеристики религиозности на уровне сознания у них оказываются более размытыми по сравнению с первой группой. Важная особенность второй группы — нерегулярность посещения храмов, участия в праздниках, обрядах и других формах культовой деятельности. Низкая культовая активность нередко сочетается в этой группе с верой не только в Бога и сверхъестественные силы, но ещё и в мистические силы. Среди причин участия в религиозных праздниках и обрядах представителей этой группы преобладает нерелигиозная мотивация. В большинстве случаев мотивы участия имеют общекультурную направленность, зачастую мотивация увязывается с семейными, родствен-

ными и национальными традициями и обычаями. Об этом свидетельствует распределение ответов: "совершаю обряды по традиции, потому что у нас так принято (в семье, у родственников)" — 34%; "эти обряды являются национальными традициями" — 27%; "желаю отдохнуть душой, поговорить с единовверцами о жизненных проблемах" — 6%; "на всякий случай необходимо совершать религиозные обряды" — 6%; "встречаюсь во время праздников с людьми своей национальности" — 6%.

Количественные характеристики выделенных типологических групп верующих и динамика их количественного изменения во времени приведены в таблице 4. Как отмечалось выше, согласно самооценкам респондентов доля верующих в Бога весьма значительна — около половины населения в 2018 г. Однако при более тщательном рассмотрении динамики религиозности, учитывающем показатели как сознания, так и поведения, картина получается несколько иной. Доля воцерковлённых верующих, то есть тех, кто проявил в ходе исследования религиозность на уровне и сознания, и поведения, оказывается ощутимо меньшей — порядка 6—8% за весь период наблюдения. Существенно превышает долю воцерковлённых верующих доля малоцерковлённых, для которых характерно редкое, а не регулярное посещение храмов, совершение молитв, соблюдение религиозных постов и других форм религиозного поведения, — таких респондентов насчитывается от 18 до 22%. Нужно особо подчеркнуть, что за последние пять лет число воцерковлённых и малоцерковлённых верующих в столичном регионе не претерпело заметных изменений. Следует выделить самую большую группу верующих — "невоцерковлённых" (не участвующих в культовой деятельности традиционных конфессий). Их доля в процентном отношении за последние пять лет составила 24—30%.

В начале 2000-х годов ряд учёных правомерно задавался вопросом, "обусловлен ли процесс повышения социального статуса Церкви реальным изменением российского менталитета, ростом уровня и степени религиозности или речь идёт о поверхностной, модной демонстрации своего позитивного отношения к религии, связанного с ростом этнонационального сознания, поиском культурной идентичности?" [17]. С учётом полученных нами данных можно предложить следующую интерпретацию постсоветского роста и происшедшей затем стабилизации уровня религиозности.

Религиозная социализация населения происходит в условиях нарушенной в советское время межпоколенческой пре-

емственности православной религиозной традиции. Нельзя забывать, что приобщение к религиозным традициям и нравственным ориентирам осуществляется уже в условиях секулярного общества. Секулярное сознание присутствует во всех сферах жизнедеятельности, и в сознании современных людей религия постепенно секуляризируется и теряет свой трансцендентный план, превращаясь в способ демонстрации культурной и национальной идентичности. Наряду с этим результаты мониторинговых исследований указывают на то, что доверие к церкви как к социальному институту остаётся весьма высоким. В постсоветский период церковь фактически вернула себе статус важного субъекта общественной жизни. Вместе с тем в последние годы наблюдается снижение этого показателя: если в 2016 г. церкви как социальному институту доверяли 45% жителей столицы, то в 2018 г. — 33%.

Большой интерес в свете сказанного представляет содержание отдельных оценочных суждений в отношении церкви как социального института и религии как мировоззрения, с которыми были согласны респонденты. С одной стороны, отмечалось, что РПЦ "частично берёт на себя функции государственных структур власти (политические, образовательные, пропагандистские и т. п.)" — 57% и "злоупотребляет экономическими привилегиями в предпринимательской деятельности" — 51%, а также, что "религия разъединяет людей, способствует разжиганию религиозной и национальной розни" — 28%. С другой стороны, по мнению 73% опрошенных москвичей, "религия способствует сохранению национальной культуры и традиций", а 64% респондентов были согласны с тем, что "религия воспитывает нравственность, удерживает от аморальных поступков".

По всей видимости, наличие некоторого недоверия к действиям церкви может быть связано с возрастающей тенденцией клерикализации общественных и государственных отношений, прозелитической деятельностью ряда конфессий и религиозных организаций, политической ангажированностью некоторых религиозных лидеров. При этом, как следует из результатов нашего исследования, значимыми остаются такие ролевые функции религии, как сохранение традиций и национальной культуры, воспитание нравственности.

Таблица 4. Характеристики религиозности населения, г. Москва, 2014—2018 гг., % числа опрошенных

Группы религиозного населения с учётом показателей сознания и поведения	2014	2015	2016	2017	2018
Верующие воцерковлённые	6	7	8	7	6
Верующие малоцерковлённые	19	22	18	20	18

В последние десятилетия в России наряду с традиционными религиозными учениями и верованиями активно распространяются нетрадиционные религиозные течения. Наиболее подвержена воздействию нетрадиционных воззрений молодёжь — в силу ряда возрастных особенностей (стремление постичь что-то новое, выделиться из толпы и т. д.). Представители молодого поколения часто становятся последователями ярких субкультур, начинают интересоваться нетрадиционными религиями — неохристианскими религиозными течениями, эзотерическими учениями, неоязычеством. Нередко нетрадиционные религии и практики становятся начальной фазой новой вероучительной традиции, роста нетрадиционной религиозности среди социальных групп интеллигенции и молодёжи [13, 18].

Отметим также, что в настоящее время наблюдается некоторое противостояние между идеологами мировых религий и нетрадиционных воззрений. Первые критикуют нетрадиционные религии и эзотерические учения, обвиняя их в распространении ереси. Представители нетрадиционных воззрений в свою очередь уличают традиционные религии в действиях в угоду власти и неспособности помочь людям преодолеть их жизненные трудности. Подобное противостояние провоцирует у религиозного населения дезорганизацию в мыслях, способствуя переосмыслению мировоззренческих позиций в отношении церкви и государства, религии и общества, религии и нации, религии и атеизма, религиозных идей и отстаивающих эти идеи различных религиозных течений [18, 19].

Для понимания места, которое в европейском контексте религиозности занимает Россия, обратимся к показателям, отражающим, в какой мере люди рассматривают религию как ключевой элемент национальной идентичности и в какой мере религия важна в жизни индивида. Согласно репрезентативным опросам, проведённым по единой методике в 34 европейских странах в 2015–2017 гг., 57% опрошенных россиян полагают, что религия является важной составляющей национальной идентичности. По этому показателю Россия занимает 12-е место, опережая такие крупнейшие страны Европы, как Германия (23-е место), Великобритания (24-е место), Франция (26-е место). С утверждением о том, что религия играет большую роль в собственной жизни респондента, были согласны 15% россиян (21-е место). Общим трендом здесь выступает то, что население большинства стран Восточной Европы оказывается более религиозно ориентированным, нежели население стран Западной Европы. Россия, как следует из приведённых выше данных, находится где-то посередине [20, p. 7, 21].

* * *

Итак, на уровне самоидентификации (самооценок респондентов) чуть больше половины населения столичного региона заявляет о своей вере в Бога. На протяжении последних пяти лет этот показатель снизился примерно на 15%, что явилось продолжением относительно долгосрочной тенденции постепенной смены религиозного ренессанса первых постсоветских лет более умеренным отношением к религии, в том числе к традиционным конфессиям.

Обращает на себя внимание размытость религиозных представлений тех, кто на уровне самоидентификации определил себя как верующего. В реальности большинство не слишком чётко представляет себе, во что верит, и слабо соотносит религиозные догматы со своими жизненными целями и мировоззрением.

В целом современное российское общество остаётся секулярным. Существует серьёзный разрыв между выраженной на вербальном уровне религиозностью и более строгими установками религиозного сознания и регулярными практиками религиозного поведения, которые присущи воцерковлённым верующим. Доля последних среди опрошенных жителей столицы оказывается небольшой и колеблется на протяжении последних лет в пределах 6–8%. Показательно, что наиболее распространённые причины проявления религиозности на уровне поведения зачастую обусловлены этнокультурными, а не собственно религиозными факторами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Угринович Д. М. Введение в теоретическое религиоведение. М.: Мысль, 1976.
2. Лопаткин Р. А. Социология религии в России: опыт прошлого и современные проблемы // К 80-летию со дня рождения Ремира Александровича Лопаткина. Цикл статей // Приложение к журналу "Государство, религия, церковь в России и за рубежом". 2010. № 4. С. 266–272.
3. Гаврилов Ю. А., Кофанова Е. Н., Мчедлов М. П., Шевченко А. Г. Конфессиональные особенности религиозной веры и представлений о её социальных функциях // Социологические исследования. 2005. № 6. С. 46–56.
4. Яблоков И. Н. Социология религии. М.: Мысль, 1979.
5. Кублицкая Е. А. Особенности изучения религиозности населения в современной России // Социологические исследования. 2009. № 4. С. 96–107.
6. Андреева Л. А., Андреева Л. К. Религиозность студенческой молодёжи. Опыт сопоставления с религиозностью россиян // Социологические исследования. 2010. № 9. С. 95–98.

7. Дубограй Е.В. Религиозность военнослужащих России // Социологические исследования. 2007. № 7. С. 130-136.
8. Лебедев С.Д. Отношение учащейся молодежи к религии // Социологические исследования. 2007. № 7. С. 87-97.
9. Lenski G. The religious factor: a sociological study of religion's impact on politics, economics, and family life. N.Y.: Doubleday, 1961.
10. McFarland M., Wright B., Weakliem D. Educational Attainment and Religiosity: Exploring Variations by Religious Tradition // Sociology of Religion. 2011. V. 72. № 2. P. 166-188.
11. Yu Ch., Reimer D., Lee A. et al. A Triangulated and Exploratory Study of the Relationships Between Secularization, Religiosity, and Social Wellbeing // Soc. Indic. Res. 2017. V. 131. P. 1103-1119.
12. Sabatier C., Mayer B., Friedlmeier M. et al. Religiosity, Family Orientation, and Life Satisfaction of Adolescents in Four Countries // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2011. V. 42(8). P. 1375-1393.
13. Кублицкая Е.А. Традиционная и нетрадиционная религиозность: опыт социологического изучения // Социологические исследования. 1990. № 5. С. 95-103.
14. Исследование построения показателей социального развития и планирования / Отв. ред. Г.В. Осипов, В.Г. Андреев. М.: Наука, 1979.
15. Мчедлов М.П. Религиоведческие очерки. Религия в духовной и общественно-политической жизни современной России. М.: Научная книга, 2005.
16. Возьмитель А.А. Социология религии в России: проблемы и перспективы // Социологические исследования. 2007. № 2. С. 110-117.
17. Локосов В.В., Синелина Ю.Ю. Взаимосвязь религиозных и политических ориентаций православных россиян. <http://www.civisbook.ru/files/File/Lokosov.pdf> (дата обращения 11.10.2019).
18. Кублицкая Е.А., Франчук Д.В. Нетрадиционные религии и эзотерические учения в жизни московской молодежи (социологический опыт) // Секуляризация в контексте измерения религиозных трансформаций современного общества / Под ред. С.Ю. Глазьева, С.В. Рязанцева, Е.А. Кублицкой. Сер. "Демография. Социология. Экономика". Т. 4. № 4. М.: Изд-во Эконом-Информ, 2018. С. 227-242.
19. Балагушкин Е.Г., Шохин В.К. Религиозный плюрализм в современной России: новые религиозные движения на постсоветском этапе // Мир России. 2006. № 2. С. 62-78.
20. Eastern and Western Europeans Differ on Importance of Religion, Views of Minorities, and Key Social Issues. Pew Research Center, 2018. October. V. 29.

DYNAMICS OF RELIGIOSITY IN CONTEMPORARY RUSSIA ACCORDING TO RESEARCH IN THE CAPITAL REGION

© 2019 E.A. Kublitskaya*, M.M. Nazarov**

Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

*E-mail: eakubl@yandex.ru; **E-mail: vy175867@yandex.ru

Received 04.03.2019

Revised version received 09.04.2019

Accepted 04.05.2019

The paper deals with the state and dynamics of religiosity in modern Russia. The study, which is based on a system of empirical indicators, helps identify key features of religious consciousness, and behavior. This comparative investigation was conducted in Moscow during the last three decades. It was found that at the level of self-identification, approximately half of the population defined themselves as believers, and that there was a decrease in this value over time. The use of a complex typology of religiosity shows that the proportion of actually churching believers who combine adherence to the canons, both at the level of consciousness and of behavior, is significantly lower and has been in the range of 6%–8% during the past five years. The motives for participation in religious ceremonies are mainly a general cultural orientation associated with family, kinship, and national traditions.

Keywords: religiosity, religious self-identification, religious consciousness, religious behavior, Orthodoxy, Islam, secularization.